

М. А. ТИХАНОВА

БОРОЧИЦКИЙ КЛАД

Самый большой из всех известных до настоящего времени монетных кладов и один из наиболее интересных был обнаружен в 1928 г. в м. Борочицы Берестечковского района Волынской области, в верховьях р. Стыри, на правом берегу ее левого притока Липы.

Широко известный за рубежом, Борочицкий клад в советской литературе был впервые упомянут лишь сравнительно недавно М. Ю. Брайтчевским, давшим, к сожалению, не вполне отчетливую его характеристику. М. Ю. Брайтчевский несколько преуменьшил размеры клада и недостаточно точно определил время чеканки входивших в него монет, ограничив их только II в. н. э.¹

Вторичное упоминание о Борочицком кладе находим мы у Е. В. Махно, еще менее точное как в отношении количества монет, так и их датировки: Е. В. Махно говорит о 2000 монет II—III вв. и об одной монете 2-й половины IV в.²

Более развернутую характеристику клада мы встречаем в статье А. В. Фенина³. Однако и здесь сведения о кладе недостаточно точны и полны. Так, А. В. Фенин почему-то снижает нижний хронологический рубеж входящих в клад монет⁴ и определяет их как золотые и серебряные, хотя никаких указаний в литературе на наличие в Борочицком кладе золотых монет не встречается. Не вполне правильно характеризует он и вещевую часть клада: определяет, например, его двуручный лепной глиняный сосуд как сосуд византийской работы, указывает в составе клада золотую тарелку⁵, не касается обстоятельств находки клада и т. д. Эта характеристика клада, данная А. В. Фениным, повторена (в сокращенном виде) В. В. Кропоткиным в его сводке римских монет в Восточной Европе⁶.

¹ М. Ю. Брайтчевский. Знахідки римських монет на території УРСР. «Археологія», III, 1950, стр. 99.

² Е. В. Махно. Пам'ятки культури полів поховань черняхівського типу. «Археологія», IV, 1950, стр. 70.

³ О. В. Фенин. Знахідки римських монет у Прикарпатті. «Археологія», V, 1951, стр. 99, 100.

⁴ 79—211 гг. вместо 69—211 гг. В кладе есть монеты императора Веспасиана (69—79 гг.).

⁵ О. В. Фенин. Указ. соч., стр. 83—94, 99, 100. А. В. Фенин имеет, очевидно, в виду поднос, который упоминает и В. Антоневич, называя поднос золотым в кавычках (ein «goldenes» Tablett) и не допуская, повидимому, чтобы он мог быть, действительно, золотым. См. W. Antoniewicz. Der Fund von Bogoczuse. Numism. Közlöny за 1929/1930 гг., т. XXVIII—XXIX, 1933, стр. 19; Я. Пастернак. Скарб з Борочиц. ЗНТШ, 1931, т. 151, стр. 14. Josef Piotrowski, Skarb Bogoczyski, Lwów, 1929, стр. 9 и 33.

⁶ В. В. Кропоткин. Клады римских монет в Восточной Европе. ВДН, 1951, № 4, стр. 253, № 2а и стр. 259, № 94. Значительно более полные и точные сведения

Упоминается Борочицкий клад и в работе А. Т. Смиленко¹, и в позднейших статьях М. Ю. Брайчевского². В частности, последний специально касается найденного в Борочицах медальона в статье, посвященной в основном римским медальонам, найденным на территории лесостепи, и дает его описание, правда, не вполне точное³.

Вот почему мы считаем нужным привести краткие, но по возможности исчерпывающие сведения о Борочицком кладе, используя всю имеющуюся о нем литературу⁴.

Борочицкий клад был обнаружен случайно, во время земляных работ при постройке железнодорожной линии Стоянов—Луцк, на территории станции Борочицы, в начале июня 1928 г.

Обстоятельства находки клада не вполне ясны. По одной версии, клад был найден в земле, по другой — был обнаружен уже в выбросе. Согласно первой версии (В. Антоневича), рабочие обнаружили на глубине 0,6—2 м (? — М. Т.) один глиняный и два серебряных сосуда, доверху заполненных римскими серебряными монетами; вместе с ними был извлечен из земли «золотой» поднос, впоследствии бесследно исчезнувший. Общий вес монет достигал будто бы 50—60 кг — цифра, как полагает В. Антоневич⁵, сильно преувеличенная. Здесь же (однако не на том самом месте, где были обнаружены сосуды с монетами), в земле, выбранной из более глубокого слоя, другим рабочим был найден золотой медальон. Так описывает обстоятельства находки В. Антоневич, сообщая далее, что, как только стало широко известно о находке клада, т. е. менее чем через две недели после его обнаружения, была сделана попытка обследовать самое место находки клада. Раскопок, однако, произвести не удалось, так как стенки рва уже затвердели, покрылись новым слоем песка и глины, а частично даже

о Борочицком кладе даны в работе В. В. Кропоткина «Топография римских и ранневизантийских монет на территории СССР», ВДИ, 1954, № 3, стр. 165, № 94 (она появилась тогда, когда наша статья была уже сдана в печать).

¹ А. Т. Смиленко. Про деякі датуючі речі в культурі полів поховань. «Археологія», VI, 1952, стр. 66, 68, 71.

² М. Ю. Брайчевский. Час обігу римської монети в антському суспільстві. «Археологія», VI, 1952, стр. 78; е го ж е. Антський період в історії слов'ян. «Археологія», VII, 1952, стр. 28.

³ М. Ю. Брайчевский. Археологічні свідчення участі східних слов'ян у політичних подіях римської історії III—IV ст. н. е. «Археологія», VIII, 1953, стр. 48, 49. В статье «О распространении римских монет у древних восточных славян» (ВДИ, 1954, № 1, стр. 130). М. Ю. Брайчевский снова говорит о золотой монете.

⁴ Западная литература о Борочицком кладе: 1. ZOW, III 1928, стр. 50; 2. J. Piotrowski. Skarb Boroczyski powiat Horóchow na Wołyniu. Lwów, 1929. 3. St. Gąsioński. Znalezisko z okresu wędrówek ludów na Wołyniu. Sprawozdanie P. A. U., 1929, № 1—31 — II, январь — март, стр. 27—31; 4. Е го ж е. Prace Komisji Historji Sztuki. P. A. U., т. V, 9, стр. XLII; 5. Е го ж е. Znalezisko z Boroczyc na Wołyniu. Wiadomości numism.-archeologiczne. Kraków, 1929, т. XII, стр. 56—58; 6. E. Petersen — JPEK, 1930, стр. 67, 68; 7. ЗНТШ, 1931, т. 151, стр. 14—17 (есть неточности в определении монет. — М. Т.); 8. E. Beninger. Zwei germanische Funde von Wulzeshofen in Niederösterreich. Wiener PZ, XIX Jg., 1932, стр. 228; 9. W. Antoniewicz. Der Fund von Boroczyc. Numizm. Közlöny за 1929/1930 гг., т. XXVIII—XXIX, Budapest, 1933, стр. 19—21; 10. A. Alföldi. Nachahmungen römischer Goldmedaillons als germanischer Halsschmuck. Там же, стр. 5; 11. B. v. Richtofen. Zum Stand der Vor- und Frühgeschichtsforschung in den westukrainischen Ländern. PZ, 25, 1934, стр. 232; 12. R. Jakimowicz. Die Hortfunde römischer Denare in Polen und ihre Datierung. Bericht über den VI Internationalen Kongress für Archäologie. Berlin, 1940, стр. 583, 584; 13. Е го ж е. Pánstwowe Muzeum Archeologiczne. cele, organizacja i dotychczasowe dokonania. Wiad. Archeol., XIV, 1936, стр. 218; 14. J. Kostrzewski. Prehistorja ziem Polskich. «Od mezolitu do wędrówek ludów». Encyclopedja Polska, т. IV, Kraków, 1939—1948, стр. 318, 355; 15. K. Majewski. Importy rzymskie na ziemiach Słowiańskich. Wrocław, 1949, стр. 14, № 357 и стр. 109, № 471.

⁵ W. Antoniewicz. Указ. соч., стр. 19.

поросли травой. Вследствие этого оказалось невозможным воссоздать точную картину обстоятельств находки и восстановить истинную связь между отдельными ее частями. «Вероятно,— говорит в заключение В. Антоневич,— сосуды и серебряные монеты составляют единый комплекс, в то время как связь его с золотым медальоном как будто не достоверна»¹.

Страницей ниже В. Антоневич высказывается по вопросу о находке медальона более решительно: «Медальон, согласно показаниям рабочих, был поднят в совершенно другом месте, чем сосуды,— из «выбранной и отброшенной земли», и подчеркивает, что пока нет никаких данных против того, чтобы рассматривать медальон в качестве отдельной находки»².

По другой версии, приводимой Ст. Гансиоровским, со ссылкой на сведения, полученные в Управлении Луцкого воеводства, куда поступила часть находки, и Управлении охраны памятников искусств во Львове, хранителем которого в то время был Пиотровский,— весь клад был найден рабочими не *in situ*, а в выкинутой земле, в выбросе. В то же время Гансиоровский, не касаясь вопроса о соотношении находки медальона и остального клада, отмечает, что, согласно указаниям Пиотровского, поблизости от места находки было нечто вроде крепостного вала, в котором Пиотровский усматривал возможный остаток римского кастеля (?! — М. Т.)³.

Я. Пастернак об обстоятельствах находки клада умалчивает вовсе, подчеркивая, однако, что, «по указаниям рабочих, медальон не был найден вместе с сосудами и монетами»⁴.

Если в описании обстоятельств обнаружения Борочицкого клада показания в деталях расходятся, то в изложении его дальнейших судеб они единодушны. Извлеченный из земли клад быстро разошелся по рукам, в результате чего пропала основная масса монет, исчез и «золотой» поднос. Уцелевшие серебряные сосуды оказались попорченными при поспешном извлечении из них заполнявших их монет. Впоследствии, правда, значительную часть монет удалось отобрать у тех, к кому они попали, и собрать, таким образом, до 9 кг серебряных римских монет. Половина находки (около 4 кг монет и оба серебряных сосуда) оказалась в Львовском казначействе, другая (около 5 кг монет, глиняный сосуд и золотой медальон)—в Управлении Волынского воеводства в Луцке⁵. Позднее сосуды Борочицкого клада, золотой медальон и более 1000 монет были переданы в Археологический музей в Варшаве, 362 монеты приобрел Львовский музей им. Шевченко⁶, и 51 монета поступила в бывш. Украинский национальный музей во Львове⁷.

Монеты, поступившие в Львовский музей им. Шевченко (в количестве

¹ См. W. Antoniewicz. Указ. соч., стр. 19. Ю. Пиотровский указывал, что, по утверждению части надсмотрщиков, было якобы выкопано восемь серебряных кувшинов, заполненных древнеримскими монетами. См. J. Piotrowski, Указ. соч., стр. 12.

² Там же, стр. 21.

³ St. Gąsiowski. Znaleźisko z okresu..., стр. 28. Гансиоровский не вполне точен. Пиотровский ни о каком римском укреплении не говорит, упоминая лишь о нередко встречающихся в тех местах так называемых Траяновых валах. Но вообще сведения Ю. Пиотровского о находке медальона довольно сбивчивы. На стр. 21 Пиотровский говорит о находке медальона в земле, вынутой ранее, при первых земляных работах, почему не удалось точно определить местонахождение и глубину залегания медальона, на странице же 22 он указывает, что медальон найден на глубине 0,50 м, а весь клад — на глубине 0,60—2 м.

⁴ ЗИТШ, 1931, т. 151, стр. 15.

⁵ Там же, стр. 14.

⁶ Цив. № 20 000, 22 056. В 1940 г. вместе с другими собраниями Музея перешли в Львовский государственный исторический музей.

⁷ Теперь — Львовский государственный музей истории искусств.

362), оказались серебряными денариями римских императоров конца I в.—II в. н. э. Распределяются они следующим образом¹:

Веспасиан (69—79 гг.)	1
Траян (98—117 гг.)	5
Адриан (117—138 гг.)	21
Сабина (126—138 гг.)	2
Антонин Пий (138—161 гг.)	121
Divus Antoninus ²	10
Фаустина Старшая (ум. 141 г.)	72
Луция Вера (161—169 гг.)	6
Марк Аврелий (161—180 гг.)	34
Луцилла (ум. 183 г.)	6
Коммод (180—192 гг.)	18
Криспина (ум. 183 г.)	2
Нечеткие — неопределимые	64

В составе монет, поступивших в Варшавский археологический музей (в количестве около 1000), по предварительному определению, были серебряные денарии следующих императоров и императриц: Веспасиана (69—79 гг.), Тита (79—81 гг.), Нервы (96—98 гг.), Траяна (98—117 гг.), Адриана (117—138 гг.), Сабина (126—138 гг.), Антонина Пия (138—161 гг.), Фаустины Старшей (ум. 141 г.), Луция Вера (161—169 гг.), Марка Аврелия (161—180 гг.), Луциллы (ум. 183 г.), Коммода (180—192 гг.), Криспины (ум. 183 г.), Септимия Севера (193—211 гг.)³.

Как мы видим, в кладе (даже в его сохранившейся части) представлены последовательно монеты всех императоров с конца I в. по начало III в. н. э., за исключением Домициана (81—96 гг.), на что нельзя не обратить внимания, а также Пертинакса (193 г.) и Дидия Юлиана (193 г.), чьи монеты, вообще редкие, в Поднестровье все же встречаются⁴.

Сведения о количественном соотношении денариев отдельных императоров и о числе неопределимых монет отсутствуют. В львовской части клада наибольшее количество приходится на денарии Антонина Пия, следующее место занимают монеты его жены Фаустины Старшей, на третьем месте — монеты Марка Аврелия. Нельзя, разумеется, утверждать, что тот же максимум дает и большая (варшавская) часть находки, но, поскольку такое же соотношение мы встречаем и в некоторыхкладах, состав которых нам известен⁵, так же как и в единичных находках⁶, можно предполагать, что оно не случайно и что денарии Антонина Пия и Фаустины Старшей, действительно, преобладали в кладе.

Итак, перед нами — огромный клад серебряных денариев конца I в.—начала III в. н. э. Монеты сильно стертые; значительная их часть (около 20%),

¹ ЗНТШ, 1931, т. 151, стр. 15, рис. IV, 1, 2.

² Посмертная чеканка монет Антонина Пия. Всего, таким образом, денариев Антонина Пия — 131.

³ См. W. Antoniewicz. Указ. соч., стр. 20.

⁴ В то же время вполне естественно отсутствие монет Песценния Нигера (193—194 гг.), признанного императором только в азиатских провинциях Империи и в Египте, и Клодия Альбина (193—197 гг.), признанного только на Западе.

⁵ Например, в кладе из Переорок Винницкой области (в среднем течении Южного Буга).

⁶ Тот же максимум серебряных денариев Антонина Пия дают и северо-западные районы Среднего Поднестровья и правобережья Верхнего Днестра и верховьев Прута. На большинстве тех поселений культуры полей погребений, на которых найдены римские монеты, мы также встречаем монеты Антонина Пия, нередко в сочетании с монетами Фаустины Старшей.

как мы видели, даже не поддается определению, что говорит о длительном их хождении до того, как они попали в землю.

Каким же путем образовался этот клад, как могла накопляться (да и накоплялась ли она вообще?) эта огромная масса римской серебряной монеты? А. В. Фенин полагает, что она накоплялась постепенно, путем торговых связей с Римом с конца I в. по начало III в. н. э. включительно, пополнившись позднее серебряными сосудами IV—V вв. и медальоном Иовиана, в которых А. В. Фенин усматривает военный трофей¹. Такой путь сложения Борочницкого сокровища представляется маловероятным. Допущение существования оживленной, регулярной торговли с Римом в I в. — начале III в. н. э., а затем ее прекращения и замены ее грабительскими походами, в которых вожди варварских племен и их дружины добывали себе сокровища, исторически не оправдано.

Гораздо вероятнее, что это сокровище, как и другие крупныеклады, образовалось путем накопления ценностей в руках представителей одной знатной семьи в результате торгово-грабительских походов, — в тогдашних условиях торговля и грабеж по существу неотделимы. Не исключено образование таких богатств и путем получения от той же Империи «подарков»², откупов³, наконец, дани, которую уплачивали соседние подвластные племена. Все это создавало немалые накопления, передававшиеся по наследству. Единицей накопления могло быть только римское серебро.

Серебряные сосуды, в которых Борочницкий клад был зарыт в землю, весьма выразительны и хорошо датируются началом V в. н. э. Их датой определяется и *terminus post quem* самого зарытия клада.

Один из сосудов амфоровидный, с раздутым туловом и узким коническим горлом с воротником, богато орнаментированный тройным пояском из листьев аканфа по плечикам и виноградной лозой и пальметтами по горлу. Сосуд кован из листового серебра, толщиной 1,5 мм; орнамент исполнен чеканом. Высота сосуда — 38 см, окружность — 59 см, диаметр дна — 8,5 см, диаметр горла — 2,5 см; вес сосуда — 1205 г. Сосуд сильно пострадал: стенки его помяты, дно было оторвано (впоследствии припаяно). Этот сосуд по своей форме и диаметру близок⁴ к серебряной амфоре из Концептской находки на Пруте в Молдавской ССР⁵.

Второй сосуд, несколько меньших размеров, яйцевидной формы, гладкий, не орнаментированный, также кован из листового серебра, более тонкого (толщина — 4 мм). Высота сосуда — 21 см, окружность — 48 см, вес — 522 г. Он имел, повидимому, ручку, отломанную при выемке из земли. Об этом говорит обнаруженная среди вещей серебряная ручка (толщина — 2,2 мм, ширина — 2 см, вес — 76 г) с двумя дырочками на концах. Сосуд также сильно поврежден в нижней части⁶.

Третий сосуд — глиняный, биконической формы, с острым ребром на тулове, на кольцевой ножке, с цилиндрической шейкой и поднимающимися над туловом ручками, желто-коричневого цвета, леплен от руки. Высота сосуда — 14,3 см, окружность — 49 см, диаметр отверстия — 9 см (рис. 1).

¹ О. В. Фенин. Указ. соч., стр. 100.

² Вспомним, например, обязательство императора Коммода ежегодно уплачивать вождям сарматских (западных) племен «подарки» (*donationes*).

³ Например, ежегодные платежи карпам и готам в 238—242 гг., при Гордиане III, п в 251—253 гг., при Требониане Галле.

⁴ По определению А. Альфельди, «в точности совпадает». А. Alföldi. Указ. соч., стр. 5.

⁵ L. Matzulewitsch. *Bysantinische Antike*. Berlin, 1929, табл. XVIII.

⁶ Описание серебряных сосудов см.: W. Antoniewicz. Указ. соч., стр. 19; J. Piotrowski. Указ. соч., стр. 15—21, рис. 1—4; St. Gąsiorowski. Указ. соч.; ср. А. Т. Смиленко. Указ. соч., стр. 66.

Вряд ли можно считать этот сосуд типично волынским, а тем более определять его, как это делает В. Антоневич, как сосуд «вандальской» формы (даже если разуместь под «вандальской» пшеворскую форму. — М. Т.) с сильным римским воздействием¹. Тем менее можно признать лепной борочницкий сосуд изделием византийской работы или даже позднеримским, как его определяет А. В. Фенин².

Борочницкий сосуд — типичный образец сосуда более южных форм — липицких, притом архаических. Вспомним близкие по форме двуручные

Рис. 1. Глиняный сосуд из Борочницкого клада.

сосуды с приподнятыми над туловом ручками белопопотоцкой культуры эпохи бронзы. Сомневаться, однако, в его синхронности с серебряными сосудами нет никаких оснований³. Представляется в то же время весьма интересным самый факт доживания архаических форм до столь позднего времени и в относительном отдалении от центров липицкой культуры.

Таким образом, перед нами 2 сосуда — изделия мастерских одного из крупных центров поздней Империи, возможно, даже Константинополя⁴, рубежа IV—V вв. или начала V в. и лепной сосуд местного домашнего производства того же времени.

Как мы указывали выше, в состав Борочницкого клада обычно включают и найденный вместе с кладом медальон императора Иовиана (363 — 364 гг.) — золотой *multiplum* в великолепном обрамлении, украшенном филигранью и зернью (рис. 2). Подчас его неправильно определяют при этом не как медальон, а как солид Иовиана или даже просто как монету IV в.⁵ Но есть и исследователи, которые рассматривают медальон в качестве самостоятельной находки, не связанной с кладом. Таковым выступает медальон у К. Маевского⁶. Сомнение в возможности включения медальона в состав клада высказывал в свое время и А. Н. Зограф, ссылаясь на недостаточное знакомство с литературой предмета⁷. Наоборот, А. В. Фенин,

¹ См. W. Antoniewicz. Указ. соч., стр. 20.

² О. В. Фенин. Указ. соч., стр. 94.

³ П. Костржевский датирует этот сосуд V в. См. J. Kostorzewski. Указ. соч., стр. 355.

⁴ Вряд ли можно согласиться с Л. А. Мацулевичем в том, что концептский сосуд — изделие какой-то северочерноморской мастерской. См. L. Matzulewitsch. Указ. соч., стр. 123.

⁵ Хранится в Государственном археологическом музее в Варшаве. См. R. Jakimowicz. Państwowe Muzeum Archeologiczne..., стр. 218. М. Ю. Брайчевский, например, говорит о Борочницком кладе, как о содержащем «несколько тысяч монет II в. и одну монету IV в.», разумея, очевидно, под этой последней золотой медальон Иовиана. См. М. Ю. Брайчевский. Знахідки римських монет..., стр. 99; его же. Час обігу..., стр. 78; его же. Археологічні свідчення..., стр. 48; его же. О распространении римских монет у древних восточных славян. ВДИ, 1954, № 1, стр. 130. Ср. Е. В. Махно. Указ. соч., стр. 72.

⁶ К. Маевский. Указ. соч., стр. 14, 437

⁷ А. Н. Зограф. Отзыв о работе В. А. Шугаевского «Клад римских золотых медальонов и серебряных бытовых предметов эпохи переселения народов, найденный на Волыни». Архив ИИМК, ф. № 35, оп. 2, д. № 302, стр. 4.

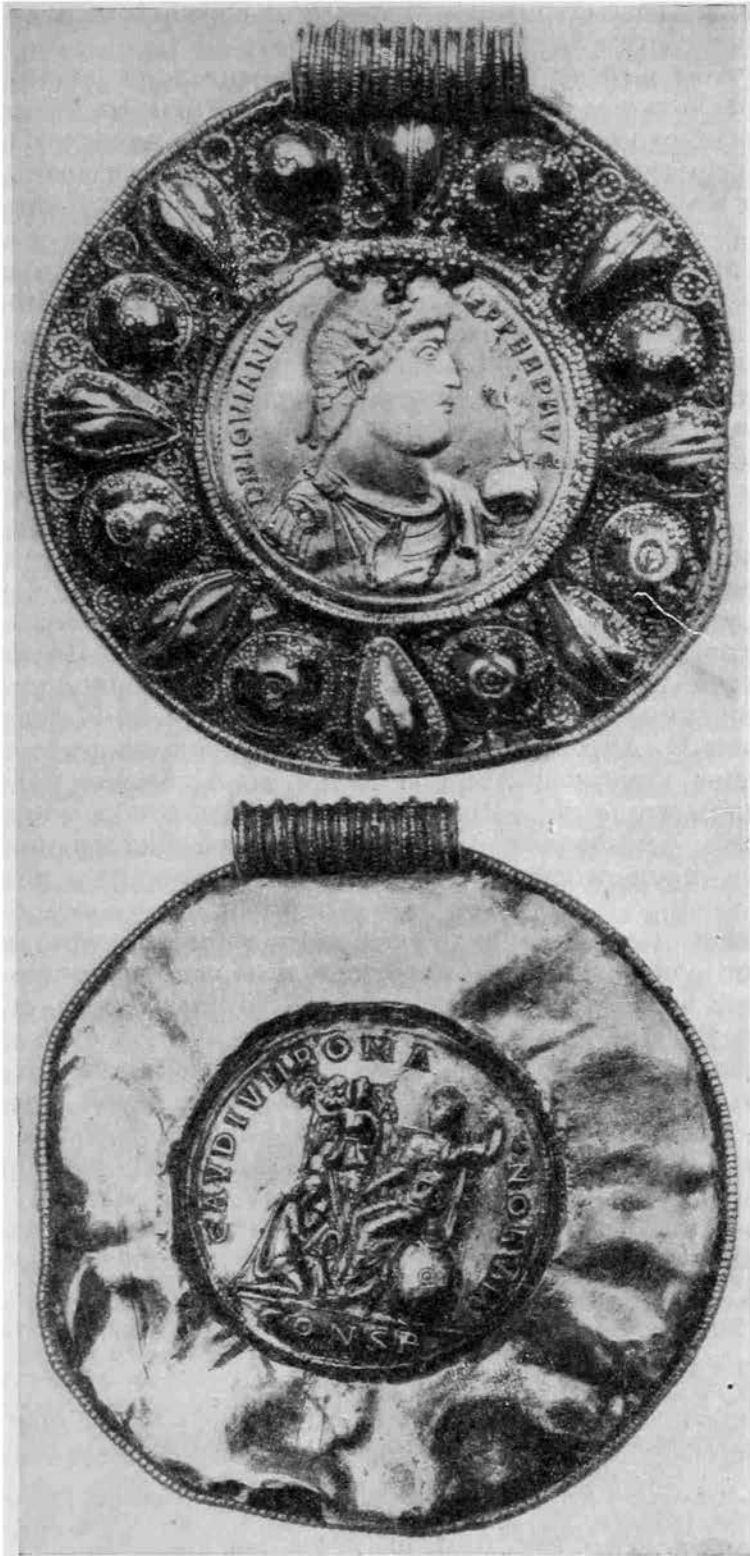

Рис. 2. Медальон Повиана из Бороицкого клада.

ссылаясь на работу Пиотровского¹, безоговорочно включает медальон в состав клада, рассматривая его вместе с серебряными сосудами как «вторую, позднейшую часть клада»².

К какому бы выводу ни приходило относительно медальона — рассматривать ли его как отдельную находку, или как часть клада, — дата зарытия клада серебряных денариев конца I в. — начала III в. остается неизменной. Сосуды, в которых был найден клад, настолько выразительны, что зарытие клада не может быть отнесено ко времени ранее рубежа IV—V вв. или, вернее, начала V в.³

В то же время признавать находку медальона Иовиана в отрыве от клада — значит умножать число поздних находок на территории Южной Волыни. Напомним, что в ближайшем соседстве с Борочицами, на том же левобережье р. Липы, в м. Красове, давно известна находка золотого солида (именно солида, а не медальона) императора Юлиана (361—363 гг.)⁴. Несколько севернее, ниже по Западному Бугу, на его правобережье, в Волынской области был найден монетно-вещевой Ласковский клад, в составе которого имеется несколько золотых медальонов и украшений рубежа IV—V вв.⁵

Однако интерес заключается отнюдь не только в факте находки медальона Иовиана в верховьях Стири, — в составе ли клада, или вне его (лично мы предполагаем первое), — но и в самом медальоне.

Борочицкий медальон представляет собой *multiplum* Иовиана из светложелтого золота, чеканенный в Константинополе в период кратковременного правления императора Иовиана (с 27 июня 363 г. по 17 февраля 364 г.). Как указывает В. Антоневич, экземпляр этот уникальный: второй *multiplum* Иовиана, хранившийся в парижском Кабинете медалей, исчез еще в прошлом столетии⁶. *Multiplum* заключен в обрамление из двух листов золота, украшенное с лицевой стороны филигранью и зернью и снабженное продолговатым трубчатым ушком для подвешивания (рис. 2).

Остановимся несколько подробнее на самом золотом *multiplum*'е. На лицевой стороне его имеется погрудное изображение императора вправо, с круговой (с перерывом) надписью: D(ominus) N(oster) IOVIANVS || P(rius) F(elix) PERP(etuus) AVG(ustus). На оборотной стороне — сцена, изображающая традиционную *προσκύνησις* в обычной ее трактовке: император на троне влево, с лабаром в поднятой левой руке и щитом; у его ног — коленопреклоненная женская фигура с венком в руке, на заднем плане — богиня победы, также с венком в поднятой правой руке; вокруг надпись (с перерывом): GAVDIVM ROMA || NORVM. В нижнем обрезе поля — под изображением — CONS P. *Multiplum* чеканен на 1-м Константинопольском монетном дворе, на что указывает надпись в ниж-

¹ J. Piótrowski. Указ. соч.

О. В. Фенин. Указ. соч., стр. 99.

³ А. В. Фенин допускает возможность еще более позднего зарытия клада — в период славянско-византийских войн середины I тысячелетия н. э. См. О. В. Фенин. Указ. соч., стр. 100.

⁴ В. Б. Антоневич. Археологическая карта Волынской губернии. Труды XI АС, т. I, Киев, 1901, стр. 59, № 130; К. М а j e w s k i. Указ. соч., стр. 126, № 695; В. В. Кропоткин. Указ. соч., ВДИ, 1951, № 4, стр. 253.

⁵ Подробное описание Ласковского клада см. М. А. Тиханова. Ласковский клад. Архив ИИМК; е е ж е. Забытый памятник (Волынский клад 1610 г.). Рефераты научно-иссл. работ за 1945 г., Отд. истории и философии Академии наук СССР, 1947, стр. 81.

⁶ W. Antoniewicz. Указ. соч., стр. 21.

нем обрезе поля оборотной стороны — CONS P, т. е. Cons(tantinopoli) P(rima officina)¹.

Размеры медальона: диаметр — 9,91 см, ширина обрамления — 2,3—3 см, длина трубкообразного ушка — 2,85 см, вес — 173 г².

В. Антоневиц относит медальон Иовиана к группе готских древностей и видит в нем изделие венгерского художественного ремесла эпохи переселения народов. По его предположению, медальон был привезен на Вольнь в V в. из Венгрии через Молдавию и Семиградье³.

А. Альфельди видит в Борочичском медальоне одно из наиболее «впечатляющих произведений ювелирного искусства германцев, быть может, гепидов», хотя и признает его «возрастание» на почве старого иллиро-кельтского искусства⁴.

К. Маевский, не подвергая медальон специально рассмотрению, относит его к изделиям восточноримским⁵.

Позволим себе несколько задержать внимание на обрамлении медальона. Описывая медальон, В. Антоневиц определяет «иконографию» его обрамления как чередование миндалевидных и округлых «выпуклин» (Buckel), богато украшенных филигранью и зернью, которым он не придает, однако, никакого смыслового значения⁶. Наоборот, А. Альфельди подходит к обрамлению медальона совершенно иначе: он пытается осмыслить самое содержание его декорировки. В «овалах» и «полукружиях» Альфельди видит не простые геометрические фигуры, — пусть даже объемные, поскольку они даны в рельефе, — не случайное их сочетание, а осмысленное «чередование пчеловидных выпуклин с округлыми щитами», и усматривает в декорировке иовиановского медальона прямое соответствие с фризом из человеческих масок обрамления медальона Грациана из II клада в Силд-Шомлио (рис. 3)⁷. Этот последний медальон Альфельди возводит к гальштатско-латенским иллиро-кельтским образцам; Альфельди полагает, что пчеловидные выпуклины обрамления борочичского медальона заменяют человеческие маски, округлой же формы щиты, украшенные зернью, воспроизводят аналогичные по форме фибулы из того же Силд-Шомлио⁸.

Однако, признав широкое распространение этих мотивов в мире кельтско-иллирийском еще в эпоху гальштата и латена, Альфельди, в полном соответствии со своей концепцией, согласно которой черноморско-дунайские искусство и культура эпохи переселения народов рассматри-

¹ У М. Ю. Браичевского эта часть надписи опущена вовсе. Неточно читает М. Ю. Браичевский и начальную часть надписи — а именно: DN IOVIANUS (...) E PERP AUG, — утверждая, что в скобках им показана буква, которая должна была стоять, но была закрыта украшением. В действительности этого нет (см. рис. 2 в настоящей статье). Неточно указан М. Ю. Браичевским и размер медальона — 5,4—5,5 см. См. М. Ю. Б р а и ч е в с к и й. Археслогічні свідчення..., стр. 48, 49.

² Нельзя не отметить, что А. В. Фенин, говоря о медальоне Иовиана, умалчивает о том, что он имеет обрамление, и датирует медальон годами правления самого Иовиана. См. О. В. Ф е н и н. Указ. соч., стр. 94, 99, 100.

³ См. W. A n t o n i e w i c z. Указ. соч., стр. 21. Путь «привоза» более чем невероятный: проникнуть из Венгрии на Вольнь можно через Потисье и Карпатские перевалы, можно через Семиградье (Трансильванию) и Молдавию, далее через Прут, Днестр и по его левым притокам на Вольнь, но попасть на Вольнь из Венгрии сначала через Молдавию (пусть даже зарубежную), а затем через Семиградье — невозможно.

⁴ A. A l f ö l d i. Указ. соч., стр. 17.

⁵ К. M a j e w s k i. Указ. соч., стр. 14—15, № 357.

⁶ W. A n t o n i e w i c z. Указ. соч., стр. 21. Чередование зерен бука или подсолнуха с поперек перерезанными желудями видел в обрамлении медальона и Ю. Пиотровский. См. J. P i o t r o w s k i. Указ. соч., стр. 22.

⁷ N. F e t t i c h. Der zweite Fund von Szilágy-Somlyó. Archaeologia Hungarica, VIII, 1932, стр. 50, 51.

⁸ См. A. A l f ö l d i. Указ. соч., стр. 15.

ваются как германские, утверждает, что подлинными наследниками и восприемниками искусства кельтско-иллирийского мира и его художественных образов являются германцы, творчеству которых он приписывает и вещи из клада Силадь-Шомлю, и весь круг близких им памятников.

Не отрицая правильности некоторых наблюдений Альфельди и отмеченных им параллелей¹, мы не можем принять германской атрибуции ни борочницкого медальона, ни медальона Грациана, ни всего комплекса Силадь-Шомлю и близких ему, все параллели которым сам же Альфельди не случайно, конечно, ищет и находит в памятниках сармато-аланских.

Думается также, что возможно и иное толкование декорировки обрамления борочницкого медальона. Наиболее просто было бы, может быть, принять пчеловидные его выпуклости за овальные щиты и тем самым усматривать в чередовании овалов и округлостей чередование овальных варварских щитов с округлыми римскими, что, разумеется, не было бы лишено смысла. Нам представляется, однако, что замысел мастера, исполнившего обрамление для золотого императорского *multiplum*'а, — человека, несомненно, не римской, а «варварской» культуры, — был иной. Как нам кажется, мастер не случайно чередовал выпуклые овалы и круги, и изображал он не щиты, а конские головы, чередующиеся с округлыми фаларами.

Предлагаемое нами толкование обрамления борочницкого медальона подсказывается декорировкой одной из чаш Черняховского могильника, хранящейся в Государственном Историческом музее в Москве (рис. 4)². Чашу опоясывает фриз, в котором изображения конских голов чередуются с округлыми фаларами — атрибутами парадного конского убора³. Черняховская пиршественная чаша является, насколько нам известно,

¹ В частности, — близость обрамления грациановского медальона (А. Alföldi. Указ. соч., табл. II) со штампованной пластинкой с фризом из человеческих голов в одном из курганов с сожжением близ Покровска (см. Т. М. Минаява. Погребение с сожжением близ г. Покровска. Саратов, 1927, табл. 2). Число этих параллелей можно умножить за счет других восточноевропейских и северочерноморских памятников. Напомним прежде всего о подвеске Новочеркасского клада с человеческой личиной между двумя конскими головами. Укажем на бронзовую человеческую голову-маску из Кобеляк, Полтавской области (хранилась до Великой Отечественной войны в Полтавском музее; не опубликована), на бронзовую маску-подвеску в открытом в 1950 г. в Крыму близ Инкермана Чернореченском могильнике (хранится в Музее пещерных городов в Бахчисарае). В могильнике, датируемом II—IV вв. н. э., много элементов, связывающих его, с одной стороны, с языками междуречья Дуная и Тиссы; с другой, — с сарматами Поволжья. Материалы еще не опубликованы. См. М. А. Тиханова. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма. МИА, № 34, 1953, стр. 322.

² См. Отчет Исторического музея за 1908 г., табл. II.

³ Не можем не вспомнить также о находке в м. Белостоке, тоже Вольнской области, бронзовой лунницы, украшенной плетенкой и стилизованными изображениями конских голов на концах. Отмечена в инвентарной книге Луцкого музея. См. М. Ю. Брайтчевский. Археологічні матеріали до вивчення культури східнослов'янських племен VI—VIII ст. «Археологія», IV, 1950, стр. 18.

Рис. 3. Медальон Грациана из клада в Силадь-Шомлю.

пока единственным образцом такой декорировки глиняного сосуда, но поскольку она сделана в форме, можно думать, что в свое время она не была единственной. Нет в то же время сомнений, что такая декорировка сосуда, выполненного в глине, воспроизводит какой-то металлический образец, притом явно сарматского облика. Последнее не должно удивлять: в Черняховском могильнике, как мы уже отмечали, отчетливо выступают сарматские черты не только в некоторых деталях погребального обряда; налицо, повидимому, и собственно сарматские погребения¹.

В обрамлении медальона из Борочицкого клада не только его иконография, но и самые приемы декорировки — зернь и филигрань — ведут нас в тот черноморский сармато-аланский мир, где эти приемы, проявившись еще на рубеже нашей эры, получают наибольшее развитие и применение в IV в. и на рубеже IV и V вв., распространяясь на широких пространствах от Восточного Казахстана до берегов Дуная, верховьев Вислы и Одера. В данном случае нет надобности перечислять все те памятники, в которых мы встречаемся с этими приемами декорировки, начиная от подвески с человеческой личиной с хутора Хохлач, и затем в многочисленных находках из позднесарматских погребений Поволжья, Керчи, степной полосы в междуречье Дона и Днепра, а также в низовьях Днепра и Южного Буга (Ольвия), Нижнего Дуная, Словакии и Южной Силезии. Центры изготовления этих изделий, как и украшенных перегородчатой инкрустацией, находились, как известно, на Боспоре, а также, повидимому, в низовьях Дуная. Нельзя не обратить внимания на то, что медальон Иовиана среди всех перечисленных занимает особое место также потому, что основу его составляет не литой медальон «местного» изготовления, а подлинный золотой *multiplum* официальной имперской чеканки, выполненный к тому же на Востоке, а не на Западе Империи, — на монетном дворе Константинополя.

Все сказанное о медальоне позволяет думать, что перед нами — памятник, в своем окончательном виде созданный мастером, вышедшим из одной из северочерноморских или нижнедунайских мастерских, весьма вероятно, — из мастерских Боспора-Керчи.

Несколько слов о назначении медальона и о том, как мог он оказаться в Борочицком сокровище.

Как известно, «золотые римские медальоны императорского времени, хотя веса их всегда оказываются равными определенному количеству ауреусов или (с начала IV в.) солидов, не могли служить ходячей монетой, чеканились в очень ограниченном количестве и предназначались для наград военачальникам и приближенным императоров или для подарка вождям подступавших к границе империи племен»². Подтверждением

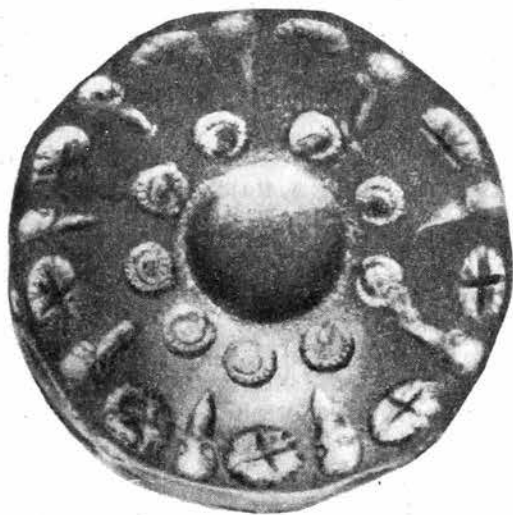

Рис. 4. Глиняная чаша из Черняховского могильника (вид снизу).

¹ М. А. Тиханова. Культура полей погребений. (Рукопись).

² А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 103.

беспорности¹ последнего назначения медальонов является доживание обычая дарения императорских медальонов варварским «риксам», по крайней мере, до конца VI в. Вспомним рассказ Григория Турского о том, что франкский король Хильперих похвалялся полученным им в дар от византийского императора золотым медальоном весом в 1 фунт («1 либру — unam libram»)².

В связи со сказанным надо думать, что и иовиановский медальон был тоже таким донативом, но подарен он мог быть в виде простого *multiplum*, а не в том великолепном обрамлении, в котором он оказался в недрах Волынской земли.

А. В. Фенин полагает, что медальон, как и серебряные сосуды, являлся военным трофеем³.

Поскольку, как говорилось выше, мы полагаем, что медальон — изделие черноморского мастера, то естественно, что и мы склонны будем признать его военным трофеем, захваченным, правда, не в схватке с римскими войсками, как, вероятно, думает А. В. Фенин, а, скажем, с теми же черноморско-дунайскими гуннами. Разумеется, в таком предположении нет ничего неправдоподобного. Нам, однако, представляется, что великолепное нагрудное или шейное украшение из Борочиц не было только военным трофеем, хотя самый *multiplum* и мог быть захвачен, а не получен в качестве подарка.

Когда мы говорили об изготовлявшем его мастере, мы сознательно подчеркивали слово «мастер», а не «мастерская». Нам кажется более вероятным, что борочицкий медальон получил свою оправу здесь же, на Волыни, что этот уникальный предмет был изготовлен в полной мере на заказ, мастером, сделавшим его по специальному заказу, во вкусе царившей тогда среди разноплеменной знати моды. Таким мастером мог явиться искусный «умелец», попавший ко двору местного князя. Вопрос о бродячих мастерах, работавших на заказ, как-то совсем выпал из поля зрения археологов. Недавно, правда, о них напомнил, хотя и чрезмерно расши-

¹ А. Н. Зограф начинает свое определение назначения медальона словами «беспорно» (А. Н. Зограф. Указ. соч., стр. 103).

² См. Gregorii Turonensis Historia Francorum, MGH, Scriptorum rerum Merovingicarum, t. I, p. I. Hannoverae, 1883, стр. 245—246.

³ Не можем попутно не выразить удивления той решительности, с какой А. В. Фенин отрицает исключительно мемориально-донативное назначение римских медальонов, утверждая, что новейшая историко-нумизматическая литература будто бы отвергает такое их толкование и допускает двойное их назначение, в том числе и чисто монетное. А. В. Фенин ссылается при этом на статью М. К. Каргера «К вопросу о древнейшей истории «лиева» (СА, X, 1948, стр. 247, 248). Следует указать, что у М. К. Каргера положение о двойном назначении медальонов (к тому же речь идет о бронзовом медальоне 2-й половины II в. Луция Вера) выражено отнюдь не с той категоричностью, которую ему приписывает А. В. Фенин, а, во-вторых, — да простит мне М. К. Каргер, — вряд ли он сам согласился бы признать себя решающим авторитетом в этом сугубо нумизматическом вопросе. Между тем, насколько известно, ни в старых работах, ни в новой нумизматической литературе такая точка зрения никем не высказывалась, крупнейший же наш авторитет в этих вопросах А. Н. Зограф, как мы видели, считал бесспорным не только мемориально-донативный характер медальонов, но и то, что часть поздних медальонов дарилась военным вождям варварских племен. Уже после того как настоящая статья была сдана в печать, в Ленинграде появилась статья венгерского археолога Д. Ласло о золотом гуннском луке. В ней золотые медальоны в богатейших княжеских кладах на территории Польши, Венгрии и Румынии, в том числе и прежде всего Борочицкий медальон, рассматриваются как полученные пограничными варварскими князьями от римских императоров и служившие символом власти, скрепленной императором. См. Gy. Laszlo. The significance of the Hun goldenbow (Contribution to the structure of the Hun Nomad empire). Acta Archaeologica Academiae scientiarum Hungaricae, t. I, f. 1-2, Budapest, 1951, стр. 101—102

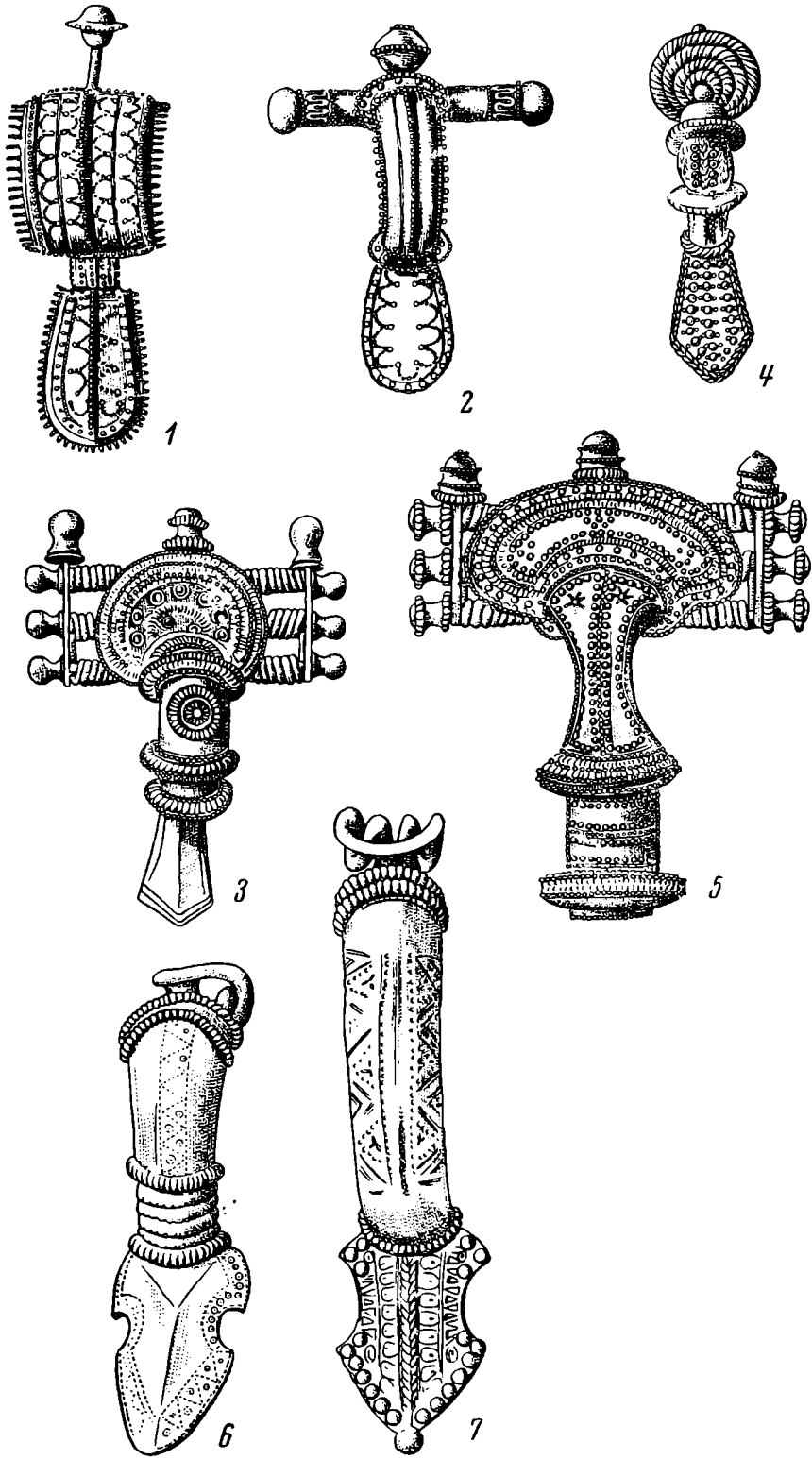

Рис. 5.

1, 2 — золотые фибулы (из Островья); 3—7 — серебряные фибулы (3—5 — из Закхова; 6 — из Зельц; 7 — из Кшинне).

рительно, К. Маевский¹, причем для слишком раннего периода — рубежа и первых веков нашей эры.

Между тем для интересующего нас времени, в условиях установившихся широких связей Верхнего Поднестровья и Побужья с Северным Причерноморьем и Подунавьем, в условиях (и это самое главное) далеко зашедшей социально-экономической дифференциации, широкое развитие бродячего ремесла, обслуживавшего потребности знати прежде всего в предметах роскоши, совершенно закономерно. Для Запада об этом свидетельствуют письменные источники, для северо-востока Центральной Европы — археологические памятники. Вспомним знаменитый прусский Фраунбургский клад 2-й половины V в.², в котором есть и сырье — бронзовый лом, и серебряные денарии двух первых веков нашей эры, и полуфабрикаты — пряжки и фибулы с высоким держателем иглы, однотипные с приднестровскими³ и ольвийскими⁴. Владельцем клада был, несомненно, бродячий мастер. Такой же бродячий златокузнец, выученик лучших тогдашних мастеров нашего черноморского Юга, мог изготовить и замечательное борчицкое нагрудное украшение.

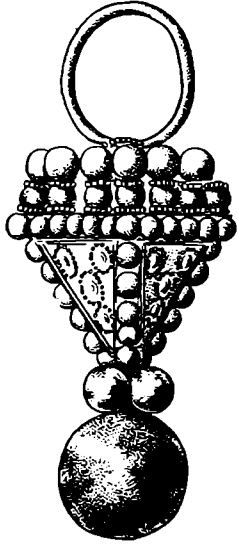

Рис. 6. Золотая серьга-подвеска из Устье-Бискупе (Днестр).

Насколько распространенной была «мода» на вещи, украшенные зернью, как в Северном Причерноморье, так и в западославянских землях, в частности на территории соседней с Приднестровьем Словакии и Южной Силезии, говорит, например, особый тип фибулы, выработавшийся из черноморской фибулы с обернутой ножкой, известный по таким находкам, как погребения в Закжове (б. Сакрау, в Силезии)⁵, в Островянах (б. Остропатака, в Словакии)⁶ — IV в., в Кшинне⁷ и Зельцах⁸ (Словакия) и в Кошовени, в Малой Валахии (Румыния)⁹ — V в.

¹ К. M a j e w s k i. Указ. соч., стр. 28.

В нем есть солид Феодосия II (408—450 гг.). См. F. F. P e i s e r. Depotfund von Frauenburg, I Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft «Prussia», 1914, Bd. 23. I, стр. 58 и сл. и табл. I, а также Sture Bolin, № 8 и W. G a e r t e. Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg, 1929, стр. 249.

³ М. А. Тиханова. Раскопки поселения первых веков нашей эры в Луке-Врублевцевой (Днестр). КСНМБ, вып. XXVII, 1949, стр. 73; е е ж е. Археологические памятники Среднего Поднестровья в первой половине I тысячелетия н. э. Краткие сообщ. Ин-та археологии, вып. 2, Киев, 1953, стр. 18; М. Ю. Смишко. Раннеславянская культура Поднестровья в свете новых археологических данных. КСНМБ, вып. XLIV, 1952, стр. 79 и рис. 24—6, 7, 8.

⁴ А. І. Фурманська. Фібули з розкопок в Ольвії. «Археологія», VIII, 1953, стр. 85—88 и табл. V, — специально рис. 7.

⁵ Dr. G r e m p l e r. Der Fund von Sackrau. Brandenburg, 1887, табл. V, 9, a; II, a, b; е го ж е. Der II und III Fund von Sackrau. Berlin, 1888, стр. 8, табл. III, 1—3.

⁶ Jan E i s n e r. Slovensko v pravěku. Bratislava, 1933, стр. 201; Eduard B e n i n g e r. Der Wandalfund von Czéke-Cejkov. Annalen des Naturhistorischen Museums in Wien, Bd. XLV, стр. 214—220, табл. XX.

⁷ Jan E i s n e r. Germanische Silberfibeln des 5 Jahrhunderts in der Slowakei. «Germania», 1938, стр. 249—252, табл. 49.

⁸ E. B e n i n g e r. Die germanischen Bodenfunde in der Slowakei, 1937, стр. 43 и 92. В кладе в Зельцах вместе с серебряными позолоченными фибулами V в. с зернью находилась фибула с обернутой ножкой и денарии 114/117—193 гг., т. е. почти синхронные с борчицкими.

⁹ V e r s i u und E. B e n i n g e r. Germanenfunde aus der Kleinen Walachei. Mitteilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien, Wien, Bd. XXVII, H. III—IV, 1937, стр. 190—195.

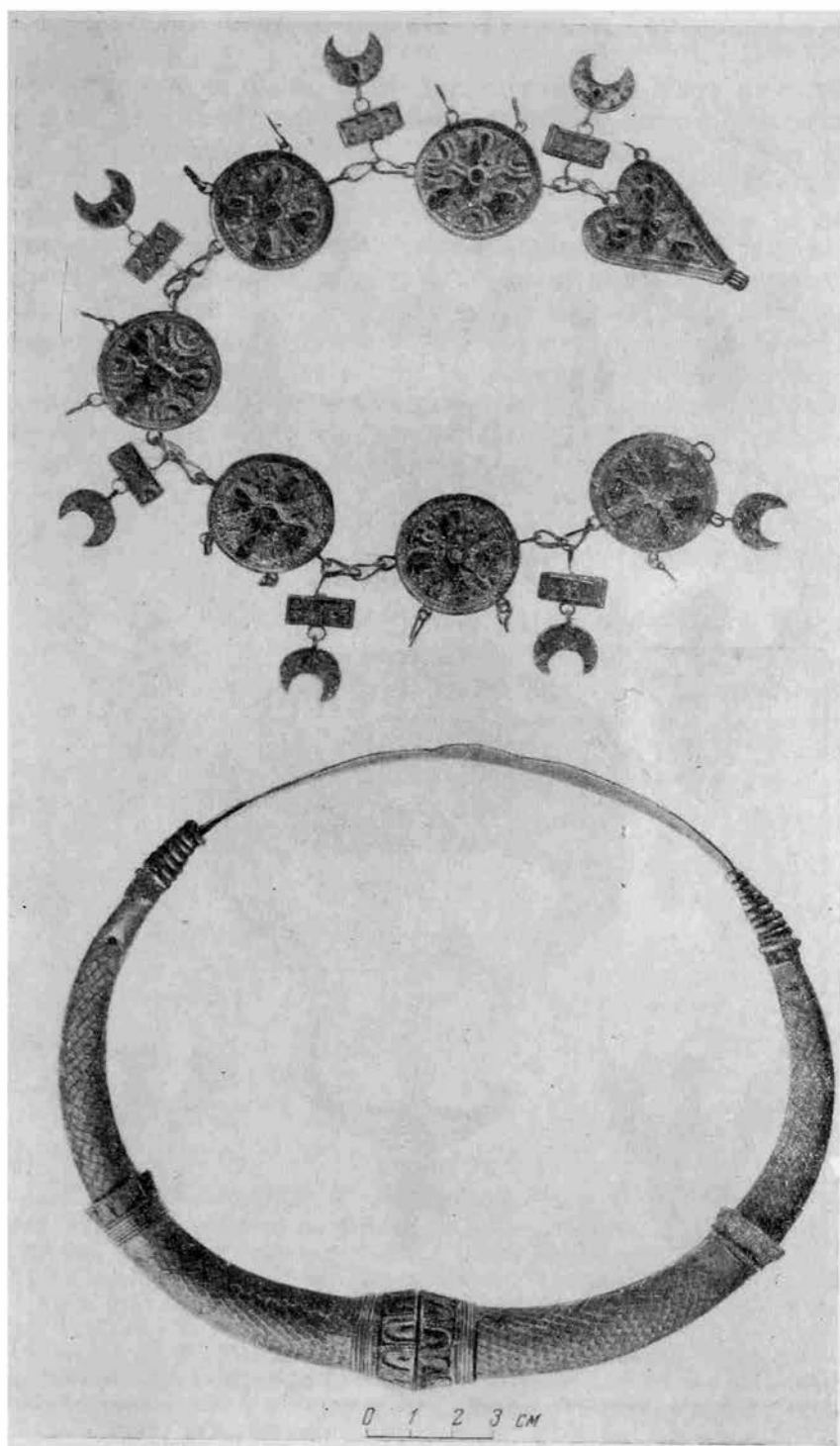

Рис. 7. Золотое ожерелье (вверху) и гривна (внизу) из клада в Залесье (Днестр).

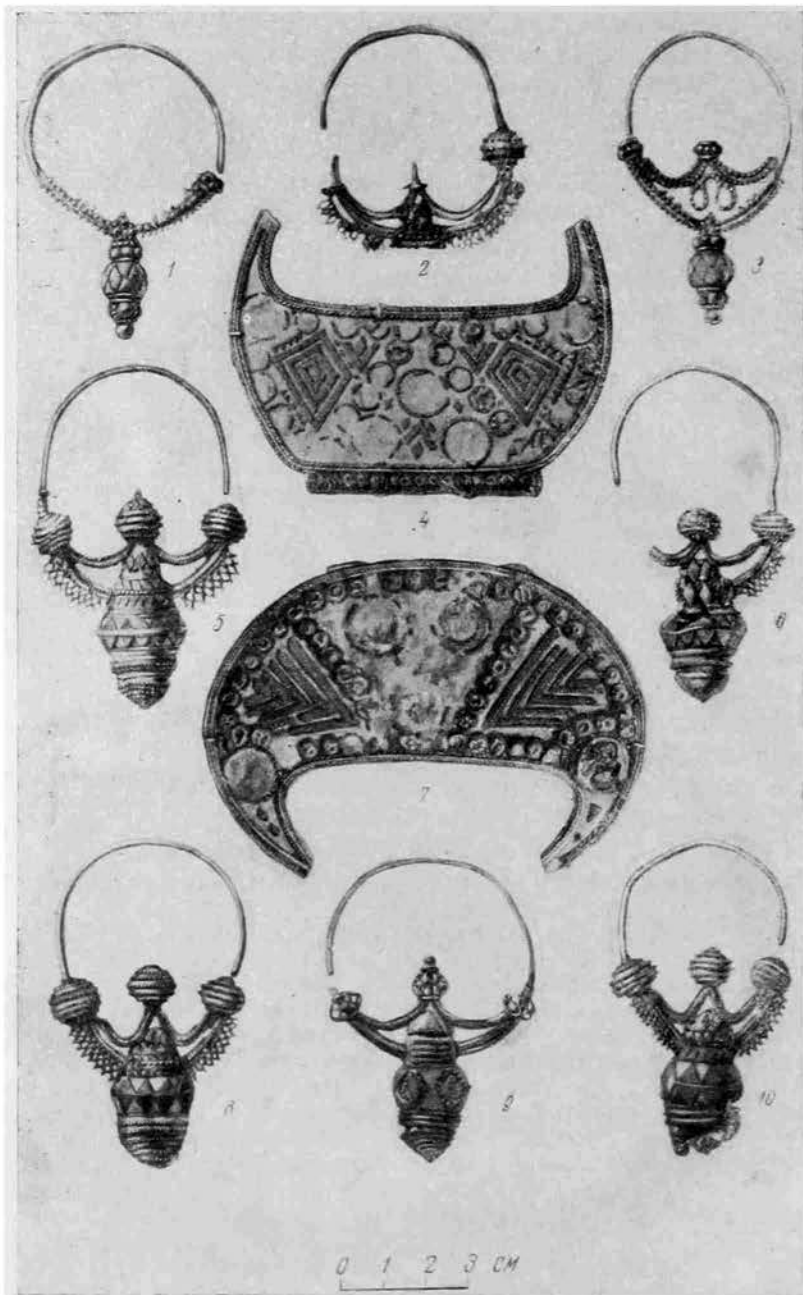

Рис. 8. Серебряные серьги и лунницы из Боршевского клада (Волынь).

(рис. 5.) Вспомним и днестровские серебряные и бронзовые фибулы с высоким держателем иглы конца III—IV вв. в Городнице¹ и в Марковцах².

Любовь к зерни не была, очевидно, случайной. Вкус этот здесь привился и жил долгие годы. Об этом говорят и пирамидальная золотая подвеска, украшенная зернью, из Устье-Бискупе на Днестре, V—VI вв.³ (рис. 6), и вещи из Залесского клада, VI—VII вв.⁴ (рис. 7).

Украшение зернью осталось излюбленным приемом декорирования уборов славянской знати и много позднее, уже в период Киевской Руси. Не забудем, что наиболее ранние и выразительные проявления этого вкуса дала именно Волынь. Вспомним, что именно здесь, в Пересопницком могильнике, было обнаружено погребение мастера-ювелира⁵, изготовлявшего украшенные зернью уборы, вспомним и великолепные серебряные лунницы и серьги Боршевского клада из-под Дубно на Волыни⁶ (рис. 8).

¹ К о р е г н і с к у — ZWAK, t. II, 1878, стр. 47—53, табл. III, с, рис. 6.

² Курган VII. Материал не опубликован. См. рукопись М. Ю. Смишко «Подкарпатские курганы». Архив Ин-та археологии, Киев, 1940, табл. IV.

³ W A n t o n i e w i c z. Archeologia Polski. Warszawa, 1929, стр. 274, рис. 41.

⁴ J. A r n e t h. Die antiken Gold- und Silbermonumente des Münz- und Antiken Cabinettes in Wien. Wien, 1859, стр. 80 и сл., № 101—116, табл. VIII—X; Nandor F e t t i c h. Archäologische Studien zur Geschichte der späthunnischen Metallkunst. Archaeologia Hungarica, XXXI, Budapest, 1951, стр. 109—114, табл. I—IX; Bedřich S v o b o d a. Poklad byzantského kovotepce v Zemianském Vrbovku. Památky archeologické. Ročník, XLIV, 1953, стр. 63—83.

⁵ Е. И. М е л ь н и к. Раскопки в земле лучан. Труды XI АС, т. I, Киев, 1901, стр. 506—610, 540—542 и табл. VIII; Г. Ф. К о р з у х и н а. О технике тиснения и перегородчатой эмали в древней Руси. КСИИМК, вып. XIII, 1946, стр. 45—49.

⁶ И. И. Т о л с т о й и Н. П. К о н д а к о в. Русские древности в памятниках искусства, вып. V, СПб., 1897, стр. 64—67; А. С. Г у щ и н. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. М.—Л., 1936, табл. XI; Г. Ф. К о р з у х и н а. Русские клады. М.—Л., 1954, стр. 85, № 17 и карта 2, 17; ср. также стр. 65. Монография Г. Ф. Корзухиной вышла в свет уже после того, как наша статья о Боролицком кладе была сдана в печать.